

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-71-81
УДК 82-1/-9

От мистерии к карнавалу: китайские новогодние праздники в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца»

Владимир Викторович КОЛЧАНОВ ✉

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ vla-kolchanov@yandex.ru

Аннотация. Исследованы китайские аллюзии Нового года и праздника Фонарей, использованные М.А. Булгаковым в 6-й главе повести «Роковые яйца». В свете китайской праздничной культуры и её карнавализации рассмотрены белая и чёрная ритуальная магия, мифологические образы китайского аграрного календаря: Персиковое дерево, «Огненный судья», «Белое непостоянство» и «Чёрное непостоянство», «Пурпурная девушка». К мифопоэтическому анализу повести привлечён «фантастико-сатирический» роман средневекового китайского литератора У Чэньэня «Путешествие на Запад» (1590). Показано, как М.А. Булгаков вписывает в свой текст это необычное, экзотическое, религиозное произведение, запечатлевшее основы китайской культуры. Кроме мифологического содержания, к сфере анализа аллюзий на китайский текст привлекается образ средневекового китайского чиновника, китайский этикет, праздничное застолье, улично-площадные убранства зрелища и увеселения. Исследован мистериальный характер повести. Изложены не только ритуалы вызова богов, демонов и духов мёртвых, но и традиционное для всех мистерий посвящение «неофита», одним из главных этапов которого является катабасис (сошествие в ад), названный К.Г. Юнгом архетипом «ухода рыцаря в темноту». Путь в китайский гадес главного героя повести профессора В.И. Персикова и оказывается таким катабасисом, показанным в пародийном ключе. Пристальное внимание уделено такому модернистскому приёму изображения российской действительности, как приём столкновения/вмешивания времён. Китайское карнавальное «безумие» становится реальным российским безумием, связанным с реформами народного хозяйства. Поэтому особое место в исследовании отведено анализу сатирических средств воздействия на зрителя: элементов эксцентрики, буффа, пародии и гротеска. В этом поле едкой сатиры Булгакова лежит, считает автор статьи, образ основателя «первого в мире социалистического государства» В.И. Ленина и внутренняя политика сменивших его руководителей, возвестивших начало эпохи уничтожения русского крестьянства и наступление эры коллективизации и механизации сельского хозяйства. Жанр фантазмагии, проявившийся в массовой истерии москвичей и полыхающих кострах от сжигаемых гор трупов кур, также усиливает сатирический характер повести.

Ключевые слова: мистерия; карнавал; миф; ритуал; пародия; китайский текст; «Путешествие на Запад»; «праздник Фонарей»; «Огненный демон»; «Белое непостоянство» и «Чёрное непостоянство»; «Пурпурная девушка»

Благодарности: Выражаю благодарность моему другу и коллеге из КНР Бай Ян за помощь в подготовке статьи.

Для цитирования: Колчанов В.В. От мистерии к карнавалу: китайские новогодние праздники в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» // Неофилология. 2021. Т. 7, № 25. С. 71-81. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-71-81

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

From miracle-play to carnival: Chinese New Year holidays in Bulgakov's M.A. novella "The Fatal Eggs"

Vladimir V. KOLCHANOV ✉

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ vla-kolchanov@yandex.ru

Abstract. Chinese allusions of New Year and the Lantern Festival used by M.A. Bulgakov in the 6th chapter of the novella "The Fatal Eggs" are studied. White and black ritual magic, mythological images of Chinese agricultural calendar are considered from the perspective of Chinese festive culture and its carnivalization: Peach tree, "Fire judge", "White inconstancy" and "Black inconstancy", "Purple girl". The mythopoetic analysis of the novella involves a "fantastic and satirical" novel by a medieval Chinese writer Wu Cheng'en "Journey to the West" (1590). It is shown how M.A. Bulgakov inscribes this unusual, exotic, religious work that captures the basics of Chinese culture in his text. In addition to the mythological content, the allusions analysis sphere on the Chinese text involves the image of a medieval Chinese official, Chinese etiquette, a celebratory feast, street and areal decorations of the spectacle and jollification. The miracle-play character of the novella is researched. Not only the rituals of summoning the gods, demons, and spirits of the dead are described, but also the traditional for all the miracle-plays initiation of the "neophyte", one of the main stages of which is the catabasis (descent into hell), called by C.G. Jung as the archetype of "the knight's departure into the dark". The main character's path to the Chinese tartarus of the novella by Professor V.I. Persikov turns out to be such a catabasis, shown in a parody key. Close attention is paid to such a modernist method of depicting Russian reality as the method of collision/interference of times. Chinese carnival "madness" is becoming a real Russian madness associated with the reforms of the national economy. Therefore, a special place in the study is given to the satirical means analysis of influencing the viewer: elements of eccentricity, comedy play, parody and grotesque. In this field of Bulgakov's caustic satire lies, we think, the image of the "the world's first socialist state" founder V.I. Lenin and the internal policy of the leaders who replaced him, announced the beginning of the Russian peasantry destruction era and the beginning of the collectivization and agriculture mechanization era. The phantasmagoria genre, manifested in the mass hysteria of Muscovites and blazing fires from burning mountains of dead chickens, also strengthens the satirical character of the story.

Keywords: miracle-play; carnival; myth; ritual; parody; Chinese text; "Journey to the West"; "Lantern Festival"; "fire demon"; "White inconstancy" and "Black inconstancy"; "Purple girl"

Acknowledgment: I would like to express my gratitude to my friend and colleague from the People's Republic of China Bai Yang for help in preparing the work.

For citation: Kolchanov V.V. Ot misterii k karnavalu: kitayskiye novogodniye prazdniki v povesti M.A. Bulgakova «Rokovyye yaytsa» [From miracle-play to carnival: Chinese New Year holidays in Bulgakov's M.A. novella "The Fatal Eggs"]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 71-81. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-71-81 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

О том, что творчество М.А. Булгакова насыщено мистериальными аллюзиями и содержит фрагменты «секретных» учений о связи человека и космоса, мира зримого и мира невидимого, в литературоведении говорилось нередко. Большое внимание этой проблематике уделял и автор данной статьи

[1–7]. Западноевропейская магия с его масонским эквивалентом, русская магия и античная теургия, – можно сделать некоторое резюме, – необходимым образом конституировали пространство булгаковской прозы, структурировали время, распределяя между собой вечное и повседневное. Они создали

гармонию между человеком и мирозданием и до сих пор подвигают читателя на размышления о Вечности и Абсолюте.

Гораздо меньше говорилось и писалось о карнавальном векторе произведений писателя. Здесь нельзя назвать ни одного цельного исследования, хотя указаний на эту проблему можно найти предостаточно. Этим пробелом мы и воспользуемся, обратившись к повести «Роковые яйца». Но для начала разведём функции, какие выполняли в жизни человечества две религиозные церемонии – мистерия и карнавал.

Первую называли «училищем смерти» [8], так как под ней понимались этапы, порядок, последовательность, ступенчатость и закономерность в получении сакральных знаний, каждый раз заканчивающиеся испытанием неопита. Такое «училище» имело ярко выраженный родо-племенной или государственный характер, оно всегда претендовало на власть в племени или стране. Мистериальные знания здесь были доступны далеко не каждому, а только духовно одарённым наставникам человечества, своего рода духовным избранникам – шаманам, волхвам, жрецам, святым, иерофантам. Путём ритуалов и особых диетических предписаний жрец открывал космические врата, уходил в мир незримый, мир богов и духов и возвращался назад. Этому он учил и своих учеников. Если ученик успешно проходил инициацию, то назывался «дважды рождённым», посвящённым и становился обладателем священного знания, не доступного профанам и демосу. Иногда церемония принимала обратный характер – бог или демон вызывался в мир и помогал теургу осуществлять задуманное.

Карнавал несколько отличался от мистерии. Это был праздник демонов, богов и всех людей, в нём сходились разные ритуалы, разные виды магий, он сохранял и поддерживал сделанную когда-то перегруппировку массового религиозного сознания.

Если до начала карнавала все мистерии встраивались в профанное пространство и время, то в период праздника карнавала (период народных торжеств и увеселений) – в священное. Массы, хотя и гротескно, повторяли то, что было возможно наставникам и их неопитам; упразднялись статусы, иерархии, государственный порядок, богатство и

бедность, и самое главное – делался прогноз на будущее, в первую очередь, на будущий урожай, от которого зависела жизнь всего коллектива.

Периоды революционного обновления социума также соответствовали духовному состоянию человека традиционного карнавала, он окунался в хаос, но испытывал новую катастрофу сознания: умертвлял бывших богов, демонов и героев без права их воскресения, перегруппировывал сознание и на карте среди разрушений и насилия искал новое священное.

Поэтому не только смерть славянского Волоса в лице первого сторожа зооинститута Власа и приход античного Пана в образе русского мужика Панкрата символизирует в повести «Роковые яйца» недавнее революционно-культурное обновление. В качестве варианта обновления Булгаков использовал необычный, экзотический, **китайский** текст. Он вторгается праздником китайского Нового года в славянский весенне-летний календарный цикл (события, напомним, в повести протекают с апреля по август) и представляет собой любопытный модернистский приём – ситуацию вмешивания праздников¹, вызывающую катастрофические последствия и шоковые состояния². «Он (Новый год. – В. К.) есть в году самый главный праздник у китайцев» [10, с. 1], – констатировал ещё в 1927 г. И.Г. Баранов, и это, вероятно, является одной из важных причин обращения писателя к полю новогодних китайских аллюзий.

Во-первых, об этом говорит сама фамилия главного персонажа – Персииков. С самого начала она вводит читателя в китайское мифологическое пространство, культурно-семантически противопоставленное смертности человеческого существа и связанное с китайским празднованием Нового года. С древности в Китае на Новый год при пожеланиях удачи и счастья пили сок персика, считая, что он является эликсиром бессмер-

¹ Е.А. Яблоков, впервые исследовавший этот прием у Булгакова, называл его «приемом контаминации», когда в «сферу действия» одного праздника непредсказуемо вмешиваются функции другого» [9, с. 61]. Думается, что такая ситуация, уходящая глубокими корнями в народное двоеверие, в рамках модернистской системы должна учитывать шоковую атмосферу вмешательства и дополняться понятием «столкновение».

² Подробнее см.: [1, с. 57-61].

тия, а ветками и предметами, сделанными из его древесины, отгоняли злых духов. От него всякая «рогатая и безрогая нечисть, – считалось в народе, – в панике торопилась унести копыта» (URL: <http://myfhology.info/planta/persik.html>). Кроме того, в восточной мифологической традиции персиковое дерево, от которого образована фамилия Владимира Ипатьевича, несло на себе черты Мирowego Древа, а идиома «персиковая роща на той стороне» (китайский иероглиф 世外桃源, то есть место, отделённое от внешнего мира) подразумевала амбивалентное толкование – рай или «место неподалёку от ворот ада» (URL: <http://myfhology.info/planta/persik.html>). Заметим, что, врываясь с первой страницы в текст, китайская новогодняя фамилия персонажа вносит и элемент пародии: цветок персика – китайский «символ свежей юной девушки, а также легкомысленных женщин и «безумия персиковых цветков» как перифразы смятения чувств в переходном возрасте» (URL: <http://help-computers.ru/Girl-with-Peaches.html>). Для прототипа Персикова В.И. Ленина и его политического окружения – пародия язвительная.

Во-вторых, раз существует «место неподалёку от ворот ада» (в пародийном плане – неподалёку от ворот мавзолея В.И. Ленина), то есть некая пограничная зона между миром живых и мёртвых, то должны существовать и inferнальные выходцы. Один из них в главе 4-й «Попадья Дроздова» «тотчас» (оттуда, видимо) и появляется – с китайской внешностью, одеждой и атрибутами императорского мандарина и его изысканным этикетом:

«Из-за спины Панкрата тотчас вынырнул молодой человек с гладковыбритым маслянистым лицом. Поражали вечно поднятые, словно у **китайца**, брови и под ними ни секунды не глядевшие в глаза собеседнику агатовые глазки. Одет был молодой человек совершенно безукоризненно и модно. В узкий и длинный до колен пиджак, широчайшие штаны колоколом и неестественной ширины лакированные ботинки с носами, похожими **на копыта**. В руках молодой человек держал трость, шляпу с острым верхом и блокнот <...> Вместо ответа молодой человек поклонился профессору два раза на левый бок и на правый, а затем его глазки колесом прошлись по всему кабинету (выделено нами. – В. К.)» [11, с. 318].

То, что гость, очутившийся в новогодней персиковой «роще на той стороне», не имеет отношения к райским кушам, говорят не только «копыта», но и место действия в следующей сцене: «Он (Персиков. – В. К.) тоскливо глядел на **крышу** университета, где в чёрной пасти бесновался невидимый Альфред (выделено нами. – В. К.)» [11, с. 322]. По сути, она рисует психическое состояние рядового китайца, увидевшего ночной призрак на крыше дома и услышавшего замогильный зов. Зов этот естественный, если учесть, что в Китае умершие приходят на Новый год. И путь их лежит через крыши домов.

Булгаков, возможно, знал о народном поверье приходить через крыши домов: о категорических запретах сушить на крыше ночью простыни ввиду опасности запутывания в них душ усопших, писало литературное и популярно-научное приложение к журналу «Нива» за 1911 г.; запрет в Китае был настолько серьёзным, что нарушившие его отправлялись в «четвёртый круг ада»: «Сюда же попадают и те женщины, – писал ежемесячник в разделе «Смесь», – которые при жизни имели привычку развешивать своё бельё после стирки на крышах домов. Для того чтобы уразуметь смысл этой странности, надо знать, что, по китайскому верованию, души усопших имеют обыкновение реять в воздухе над своими земными жилищами. А развешанное на них бельё сбивает их, не даёт им распознать своего жилья»³.

А вот как в главе 5 («Куриная история») обрисовывается, по дороге в куриный гадес, сам профессор в роли китайского привидения на крыше, запутавшегося в простыне экрана:

«На другой день после того, как он развязался с Альфредом Бронским, ему пришлось выключить у себя в кабинете в институте телефон, снявши трубку, а вечером, проезжая в трамвае по Охотному ряду, профессор увидел самого себя **на крыше** огромного дома с чёрною надписью «Рабочая газета». Он, профессор, дробясь, и зеленея, и мигая, лез в ландо такси, а за ним, цепляясь за рукав, лез механический шар в одеяле. Профессор **на крыше, на белом экране**, закрывался кулаками от фиолетового луча. Засим выскочила огненная надпись:

³ Китайский ад // Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива» на 1911 г. Спб.: Изд. Т-ва А.Ф. Маркс, 1911. Т. 1. С. 686.

Профессор Персиков, едучи в авто, даёт объяснение нашему знаменитому репортёру капитану Степанову.

И точно: мимо храма Христа, по Волхонке, проскочил зыбкий автомобиль и в нём барахтался профессор, и физиономия у него была, как у затравленного волка.

– Это какие-то **черти, а не люди**, – сквозь зубы пробормотал зоолог и проехал (выделено нами. – В. К.)» [11, с. 326].

Впечатление катабасиса, дороги в гадес усиливается благодаря словам: «вечером», «Охотный ряд», «чёрная надпись», «дробясь, и зеленея», «ландо», «зыбкий», «по Волхонке» (читай: по Волхонке – волчьей дороге), «волк».

Третьей китайской аллюзией в повести «Роковые яйца» является праздник Фонарей. Само название главы «Москва в июне 1928 года» настраивает не только на срок празднования Нового года в Китае, который продолжался в разных местностях от двух недель до одного месяца, но и на 15-ю ночь, – по сути, Последнюю ночь Нового года, которая представляла собой кульминацию праздника Фонарей: существовало мнение, что фонари горели не только для демонов и богов, но и для «неприкаянных душ усопших», жаждущих успокоения:

«Огоньки фонариков посвящались не только богам, но и душам умерших. По всему Китаю большой популярностью пользовалось представление о том, что лампадки и фонари, зажжённые на первое полнолуние года, помогают бесприютным душам найти дорогу в преисподнюю, где будет решена их судьба. Чтобы помочь несчастным душам, горящие фонари ставили на перекрестках дорог, у храмов, переправ и в других подходящих для этого местах. В деревнях Северного Китая крестьяне наливали в большой котёл купленное в складчину масло и поджигали опущенный в него большой фитиль. Затем этот гигантский светильник носили по деревне и брызгали горящим маслом на углы домов, а их жильцы бросали в котёл огарки свечей. Считалось, что неприкаянные души усопших, с которыми ассоциировались эти огарки, обретают таким путём успокоение [Нагао, 1973, т. 2, с. 292]. Фонари горели и для умерших предков, которых тоже провожали в Праздник Первой ночи. Так, жители Цзянсу в полнолуние 1-го месяца прибирали семейные могилы и вешали на них фонарь. В провинции Шаньси ночью на 15-е число, по сообще-

нию старинной хроники, «люди провожали предков, и женщины громко рыдали» [Нагао, 1973, т. 2, с. 329]»⁴.

Иными словами, все двери потустороннего мира в это время открывались, и Фонари были призваны осветить дорогу туда и обратно; более того, «многие, в частности, верили, что в 15-й день 1-го лунного месяца преисподняя разверзается, и люди, прогуливаясь, могут сбросить в неё свои недуги»⁵.

На китайский новогодний карнавал – «Праздник Фонарей» – указывает и аллюзия в 6-й главе: «бусинками жалобно горели китайские фонарики в неживой, задушенной зелени, на убивающей глаза своим пронзительным светом эстраде». По своему существу этот праздник являлся очень древним, ещё добуддийским, наступал в ночь с 14 на 15 число первой луны и представлял собой одновременно и грандиозный уличный карнавал со всевозможными площадными увеселениями, и белый (оградительный) магический обряд аграрно-экономического плана. Иными словами, земледельческий ритуал встраивался в народный карнавал, приводил к кульминации празднование Нового года и делал самое важное в жизни любого китайца – прогноз на год.

Чтобы лучше представить роль и место «Праздника Фонарей» в тексте «Роковых яиц» и заодно понять его содержание, попробуем вначале обратиться к «фантастико-сатирическому» роману средневекового китайского литератора У Чэньэня «Путешествие на Запад» (1590) (во втором, сокращённом русском, переводе «Сунь Укун – Царь обезьян»). Он отчётливо показывает нам знаки той волшебной ночи, которая разыгрывается в главе 6 «Москва в июне 1928 года» и которая прогнозирует катастрофу в русской деревне: разорение природного земледельца, коллективизацию и механизацию сельского хозяйства.

Тексты для сравнения приходится брать немалые: отрывок из 91-й главы китайского романа и всю 6-ю главу повести (благо, что 6-я глава является наименьшей из всех глав).

⁴ Китайцы // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М.: Гл. ред. восточной лит. изд-ва «Наука», 1985. С. 65.

⁵ Там же. С. 74.

Выделенные жирным шрифтом в тексте «Рокковых яиц» слова покажут не только аллюзии китайского праздника Нового года, но и принцип суггестивного маркирования текста, который Булгаков применял в повести неоднократно [1, с. 56, 58-59, 62; 2, с. 45]. Выделения затронут как световые, так и голосовые спецэффекты. Катастрофической ситуации столкновения/вмешивания времён они добавляют нот отчаяния и ощущения шокового состояния истерии и массового безумия. Ведь и китайский Новый год, по сообщению древнего летописца, относился к празднику карнавала, когда «все люди казались обезумевшими»⁶. То же происходит и в главе 6-й, правда, с учётом встраивания чёрного ритуала эффект получается обратный: несмотря на запреты и действия властей, люди «объедаются гнилыми яйцами».

«Путешествие на Запад»:

«—Уважаемый наставник, вы видели праздничные фонари только у нас в монастыре и в пригороде у восточной заставы. А нынче вечером начнётся настоящий праздник. Пойдёмте в город, поглядим на «золотые фонари». Что вы на это скажете?»

Сюаньцзан с радостью согласился и вместе с Сунь Укуном и остальными учениками в сопровождении толпы монахов отправился в город на праздник Фонарей.

Об этом празднике сложены такие стихи:

Пышно украшены улицы города,
звенят весёлые песни.

Счастливы люди в этом краю —
на праздник собрались вместе.

Ярко сверкают цветные фонарики
в призрачном лунном свете;

Ночь напролёт возносят молитвы —
призывают дожди и ветер.

Чистой радостью светятся лица,
сегодня печали забыты.

Низками крошечных огоньков
кроны деревьев увиты.

Улицы были запружены народом. Люди веселились в своё удовольствие: плясали, ходили на ходулях, катались на слоне; было много ряженых. В разных концах города, то тут, то там, устраивались всевозможные зрелища. Наконец монахи провели Танского наставника сквозь толпу к мосту,

на котором были установлены золотые фонари. Подойдя ближе, он увидел три огромных светильника, величиной с добрый чан, над которыми красовались двухъярусные ажурные башенки, сплетённые из тонкой золотистой проволоки. Внутри башенки были выложены тонкими пластинками из глазури и светились так ярко, что затмевали сияние луны. От масла, налитого в светильники, исходил чудесный аромат.

— Что за масло в этих светильниках? — спросил Сюаньцзан.

— Это масло привозят из округа Осеннее небо. Там двести сорок больших дворов, и они ежегодно вырабатывают масло для этих светильников. Повинности других округов неизмеримо легче, нежели та, которую несут эти двести сорок дворов. Ведь это не просто масло, а душистое. Каждый лян его обходится в два ляна серебром! А горят эти светильники всего три ночи.

— Да разве может столько масла выгореть за три ночи? — воскликнул Сунь Укун.

— Ничего удивительного, — ответил монах. — В каждом фонаре сорок девять огромных фитилей. Фитили сделаны из пеньки, обмотаны шёлковой ватой, и каждый из них толщиной с куриной яйцо. Если нынешней ночью сюда снизойдут воплощенные Будды, то уже завтра масла в сосудах не останется, и свет фонарей начнет меркнуть.

— Вот это здорово! — смеясь, сказал Чжу Бацзе. Выходит, что достопочтенные Будды забирают даже масло из светильников?

— Да, ты совершенно прав, — ответил монах. — Жители города знают об этом, передают своим потомкам, и так из рода в род. Это повелось с древнейших времен. Если масло из сосудов исчезнет, значит, Будды приняли подношение. В такой год бывает, разумеется, обильный урожай. Если же масло остаётся нетронутым, обязательно случается лихолетие с неблагоприятными дождями и ветрами. Вот почему люди не жалеют сил и денег на столь дорогое подношение.

В это время послышалось злое завывание ветра, и люди в панике стали разбегаться.

— Почтенный наставник! — сказали монахи. — Надо возвращаться! Надвигается буря. Это сами Будды спускаются с небес поглядеть на праздник Фонарей!

— Откуда вы взяли, что это Будды? — спросил Танский монах.

— Ну, как же! Так бывает из года в год, — ответил один из монахов. — Если ветер поднимается до наступления третьей ночной стражи, все знают, что это предвещает сошествие Будд, и спешат поскорее укрыться!

— Я и мои ученики всегда только и думаем о Будде. Молимся и поклоняемся ему, — сказал

⁶ Китайцы // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М.: Гл. ред. восточной лит. изд-ва «Наука», 1985. С. 12.

Танский наставник. – И если в самом деле Будды соизволят сойти с неба в этот замечательный праздник, то мы останемся здесь и поклонимся им. Это будет для нас великое счастье.

Вскоре в самом деле появились три Будды, которые приблизились к золотым светильникам. Танский наставник вбежал на мост, повалился наземь и начал отбивать поклоны. Сунь Укун быстро поднял его на ноги и сказал:

– Наставник, это не Будды! Это самые настоящие оборотни!

Не успел он договорить, как огонь в светильниках потускнел, раздался резкий свист. Оборотни подхватили Танского наставника и умчались» [12, с. 649-650].

«Роковые яйца»:

«Она светила, огни танцевали, гасли и вспыхивали. На театральной площади **вертелись белые фонари автобусов, зелёные огни трамваев, над бывшим Мюр и Мерилизом, над десятым надстроеным на него этажом, прыгала электрическая разноцветная женщина, выбрасывая по буквам разноцветные слова:** «Рабочий кредит». В сквере против Большого театра, где **бил ночью разноцветный фонтан,** толкалась и гудела толпа. А над Большим театром гигантский **рупор завывал:**

– Антикуриные прививки в Лефортовском ветеринарном институте дала блестящие результаты. Количество куриных смертей за сегодняшнее число уменьшилось вдвое.

Затем рупор менял тембр, что-то **рычало** в нём, над театром **вспыхивала и угасала зелёная струя, и рупор жаловался басом:**

– Образована чрезвычайная комиссия по борьбе с куриной чумой в составе наркомздрава, наркомзема, заведующего животноводством товарища Птахи-Поросюка, профессоров Персикова и Португалова... и товарища Рабиновича!.. Новые попытки интервенции!.. – **хохотал и плакал как шакал, рупор,** – в связи с куриною чумой!

Театральный проезд, Неглинный и Лубянка **пылали белыми и фиолетовыми полосами, брызгали лучами, выли сигналами, клубились пылью.** Толпы народа теснились у стен у больших листов объявлений, **освещённых резкими красными рефлекторами:**

Под угрозой тягчайшей ответственности воспрещается населению употреблять в пищу куриное мясо и яйца. Частные торговцы при попытке продажи их на рынках подвергаются уголовной ответственности с конфискацией всего имущества. Все граждане, владеющие яйцами, должны в сроч-

ном порядке сдать их в районные отделения милиции.

На крыше «Рабочей газеты» на экране грудой до самого неба лежали куры, и зеленоватые **пожарные, дробясь и искрясь, из шлангов поливали их керосином.** Затем **красные волны ходили по экрану, неживой дым распухал и мотался клочьями, полз струей, выскакивала огненная надпись:**

Сожжение куриных трупов на Ходынке

Слепыми дырами глядели **среди бешено пылающих витрин магазинов, торгующих до 3 часов ночи,** с двумя перерывами на обед и ужин, заколоченные окна под вывесками: «Яичная торговля. За качество гарантия». Очень часто, **тревожно завывая,** мимо милиционеров проносились **шипящие** машины с надписью: «Москздравотдел. Скорая помощь».

– Обожрался ещё кто-то гнилыми яйцами, – шуршали в толпе.

В Петровских линиях **зелёными и оранжевыми фонарями сиял** знаменитый на весь мир ресторан «Амбир», и в нём на столиках, у переносных телефонов, лежали картонные вывески, залитые пятнами ликеров:

По распоряжению – оmlета нет. Получены **свежие устрицы.**

В Эрмитаже, где **бусинками жалобно горели китайские фонарики** в неживой, задушенной зелени, на убивающей глаза своим **пронзительным светом** эстраде куплетисты Шрамс и Карманчиков пели куплеты, сочинённые поэтами Ардо и Аргуевым:

Ах, мама, что я буду делать
Без яиц?..

– и грохотали ногами в чечетке.

Театр покойного Всеволода Мейерхольда, погибшего, как известно, в 1927 году при постановке пушкинского «Бориса Годунова», когда обрушились трапеции с голыми боярами, выбросил движущуюся **разных цветов электрическую вывеску,** возвещавшую пьесу писателя Эрендорфа «Курий дох» в постановке ученика Мейерхольда, заслуженного режиссёра республики Кухтермана. Рядом, в Аквариуме, переливаясь рекламными огнями и блестя полуобнажённым

женским телом, в зелени эстрады, под гром аплодисментов, шло обозрение писателя Ленивцева «Курицыны дети». А по Тверской, **с фонариками по бокам морд**, шли вереницею цирковые **ослики**, несли на себе сияющие плакаты:

В театре Корш возобновляется «Шантеклэр» Ростана

Мальчишки-газетчики **рычали и выли** между колёс моторов:

– Кошмарная находка в подземелье! Польша готовится к кошмарной войне!! Кошмарные опыты профессора Персикова!!

В цирке бывшего Никитина, на **приятно пахнущей навозом коричневой жирной арене** мертво-бледный клоун Бом говорил распухшему в клетчатой водянке Биму:

– Я знаю, отчего ты такой печальный!

– Отцово? – пискливо спрашивал Бим.

– Ты зарыл яйца в землю, а милиция **15-го участка** их нашла.

– Га-га-га-га, – смеялся цирк так, что в жилах стыла радостно и тоскливо кровь и под стареньким куполом веяли трапеции и паутина.

– А-ап! – **пронзительно кричали** клоуны, и кормленая белая лошадь выносила на себе **чуждой красоты женщину, на стройных ногах, в малиновом трико**.

* * *

Не глядя ни на кого, никого не замечая, не отвечая на подталкивания и тихие и нежные зазывания проституток, пробирался по Моховой, вдохновенный и одинокий, увенчанный неожиданной славой Персиков **к огненным часам** у манежа. Здесь, не глядя кругом, поглощённый своими мыслями, он **столкнулся со странным, старомодным человеком, пребольно ткнувшись пальцами прямо в деревянную кобуру револьвера, висящего у человека на поясе**.

– Ах, **чёрт!** – пискнул Персиков. – Извините.

– Извиняюсь, – ответил встречный неприятным голосом, и кое-как они расцепились в людской каше. И профессор, направляясь на Пречистенку, тотчас забыл о столкновении (выделено нами. – В. К.) [11, с. 335-338].

Как видим, китайский ритуал даёт неблагоприятный прогноз на год – приходят демоны и крадут масло вместе с Танским наставником. Примерно также обстоит дело в «Роковых яйцах». Недавний теургический опыт с красным лучом материализует в ночной карнавальской Москве русского оборотня, «столкнувшегося» со своим вызывателем.

В дальнейшем он предстанет как «сукин сын», «антихрист» и «д... д... д...» Рокк.

Ситуация усугубляется ещё и тем, что, в отличие от китайского белого ритуала, имеющего мантико-религиозный характер и производящего воскурения Буддам, русский обряд служит целям чёрной магии – порченые яйца зарываются в землю, а оттуда попадают к стражам порядка. Поэтому и китайское новогоднее дерево, украшенное фонариками, из «ветвистого дерева, символизирующего процветание генеалогического клана»⁷ (Мирового Древа), превращается в дерево траура, дерево «леса скорби»: «В Эрмитаже, где бусинками жалобно горели китайские фонарики в неживой, задушенной зелени, на убивающей глаза своим пронзительным светом эстраде». Эпитеты «жалобно», «неживая», «убивающая», «пронзительная» подчеркивают состояние души, спускающейся в ад.

В приведённом выше фрагменте из 6 главы «Москва в июне 1928 года» существует много и других аллюзий на Новый год и праздник Фонарей. Мы последуем ходу изложения текста, только вместо традиционной китайской магии и пожеланий с «хорошим смыслом» будем учитывать, что смысл пожеланий получается с «плохим смыслом», пародийным и фантазмагоричным.

Так как Новый год также был связан с идеей очищения и определёнными диетическими предписаниями, то

«В старом Китае существовал запрет есть на Новый год скоромное или, точнее, пищу из «живых существ», включая рыбу и яйца. В буддизме и даосизме 1-й день года почитался как один из важнейших праздников и дней поста. В этот день, по китайским верованиям, божества спустились на землю, и есть скоромное в их присутствии означало совершить тяжкий грех»⁸; «при приготовлении новогодней пищи пользовались только растительным маслом. Правда, на новогодние столы нередко ставили и блюда с рыбой – символом достатка и яйцами – символом удачи, но к ним не прикасались»⁹.

В связи с идеей очищения и стол выстилался определёнными, ритуальными кушаньями

⁷ Китайцы // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М.: Гл. ред. восточной лит. изд-ва «Наука», 1985. С. 66.

⁸ Там же. С. 44.

⁹ Там же.

ями. Запрет в ночь Первой луны есть скоромную пищу компенсировался растительной пищей и морепродуктами: разрешалось употреблять каши, овощи, фрукты, морскую капусту, мидии и устрицы. Последние, как мы видим в тексте повести, усиливают китайское начало: «По распоряжению – омлета нет. Получены **свежие устрицы** (выделено нами. – В. К.)».

Вера в «очистительную силу огня» и огненного Демона, с которым китайцы проводжали всё плохое на празднике Фонарей, также отражена в тексте 6-й главы. По пути на Пречистенку Персигов продирается сквозь толпу к «огненным часам у манежа», где «пребольно» сталкивается со «странным старомодным человеком» с «кобурой револьвера на поясе». Что это как не аллюзия на разверзшуюся бездну преисподней и выход из неё огненного Демона, загробного «Огненного судьи, повелителя демонов и владыки ада»?

Еще одними популярными представителями загробного мира на празднике Фонарей являлись ангелы смерти Байучан (白无常 «Белое непостоянство») и Хэйучан (黑无常 «Чёрное непостоянство»). Они носили соответствующие их именам цвета одежды и атрибуты, дурацкие колпаки, имели гротескные лица белого и мертвенно-бледного цветов и сильно различались по росту: один был здоровым верзилкой, другой уродливой коротышкой. Духи много шутили и нападали на зрителей, их одновременно и ждали как представителей древнего китайского бога земли, так как он отвечал за будущий урожай, и сильно боялись¹⁰.

Аллюзией на Байучан и Хэйучан в повести могла служить буффонная пара: «мертвенно-бледный клоун Бом» и «распухший в клетчатой водянке Бим». Их аллегорические шутки также прогнозировали результаты посевов, но виделся в них будущий неурожай, связанный с действиями властей и органов НКВД. Смерть и голод символизировали здесь лицо Бомы и «водянка» Бима – в голод люди, евшие вместо хлеба лебеду, пухли и приобретали черты смертельно больных людей. Примечательна деталь в

«клоунском» фрагменте 6 главы: «милиция 15 участка». Эта деталь может быть как раз маркером и 15-го дня китайского Нового года, и аллегорией дьявола в раскладе древнейших гадательных карт Таро: под 15-й картой Старших Арканов значился «Дьявол», или «Гений катастроф».

Новогодние праздники – это массовый ритуал и одновременно праздник: «укрошения драконов», изгнания демонов, неприкажных душ и возвращения на землю отправленных на доклад к Нефритовому императору его заместителей на земле. К таким заместителям относилась Цзы-гу (紫姑 букв. «Пурпурная девушка»), или «девушка из уборной». Легенда о ней гласила: молодая красавица погибла от руки ревнивой жены богача, причём была утоплена в нечистотах туалета или свиного хлева, с тех пор став богиней-оракулом; она сообщала «житейские новости будущего лета, предсказывала гостей и многое другое». «В сотнях <...> текстов, более древних или позднейших, она описывается в том же духе – как фигура из соломы или травы, используемая по всей стране на спиритических сеансах в день Нового года» [13, с. 52, 54]. Чтобы вызвать «Пурпурную девушку», следовало произнести заклинание: «Ослиный помёт благоухает, лошадиный помёт воняет, ситная девушка, с почтением просим выйти»¹¹.

Карнавальным, эксцентричным образом она и выходит – в булгаковской повести после церемонии «цирковых осликов» на Тверской «с фонариками по бокам морд», на «приятно пахнущей навозом коричневой жирной арене» «кормленная белая лошадь выносила на себе чудной красоты женщину, на стройных ногах, в малиновом трико».

Таким образом, китайские мистерия и карнавал, использованные в качестве игрового модернистского приёма, стали в повести Булгакова ещё и средством сатиры. Ритуальные празднества обернулись пародией на внутреннюю политику «первого в мире социалистического государства» и биографию его основателя – В.И. Ленина. В годы смены хозяйственно-экономических парадигм (нэпа и коллективизации сельского хозяйства) и начавшегося процесса сакрализации вождя

¹⁰ Китайцы // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М.: Гл. ред. восточной лит. изд-ва «Наука», 1985. С. 64.

¹¹ Там же. С. 75.

под названием Лениниана писатель предложил иной взгляд на существующую действительность. Воспитанный всей предшествующей культурой, обогащённый знаниями, которые накопило человечество, он представил «первое послеоктябрьское десятилетие» как сбой в работе русского аграрного календаря, гибель многовекового уклада русского крестьянства. «Сатирический удар» оказался нанесённым с неожиданной стороны – со стороны китайской календарно-аграрной ма-

гии. Только пропущенный через дальневосточное магическое решето, текст мог быть напечатан, распространён и «даже в 1930 г. оставаться одним из наиболее спрашиваемых произведений в библиотеках» [14, с. 617]. Приведись ему выделиться из спектра «магического кристалла», он неминуемо попал бы в разряд «пасквильной сатиры на покойного вождя и коммунистическую идею в целом» [14, с. 613], а сам автор немедленно был бы выброшен из советской истории.

Список литературы

1. Колчанов В.В. Между мистерией и буфф: повесть М.А. Булгакова «Роковые яйца» в свете театральных модернистских жанров первой трети XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. Тамбов, 2016. Вып. 2 (6). С. 53-65.
2. Колчанов В.В. От дьяблерии к «оперетке»: музыкальный буфф и приемы нейролингвистического программирования в романе-мистории М.А. Булгакова «Белая гвардия» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. Тамбов, 2017. Т. 3. Вып. 1 (9). С. 41-54.
3. Колчанов В.В. От дьяблерии к «оперетке»: музыкальный буфф и приемы нейролингвистического программирования в романе-мистории М.А. Булгакова «Белая гвардия» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. Тамбов, 2017. Т. 3. Вып. 2 (10). С. 42-49.
4. Колчанов В.В. Катабасис как сатирический мотив в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца»: образ профессора Персикова в свете античной, западноевропейской и русской церемониальной магии // Русская литература XX–XXI веков в национальном культурно-историческом контексте / отв. ред. Н.Ю. Желтова. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2017. С. 170-188.
5. Колчанов В.В. «Тамбов на карте генеральной...»: сатирическая повесть М.А. Булгакова «Роковые яйца» и «куриная история», в сем граде случившаяся, а также в столице и государстве, до и после того // Филологическая регионалистика. 2018. Т. 10. № 1-2 (25-26). С. 5-20.
6. Колчанов В.В. Мистериальный вектор повести М.А. Булгакова «Дьяволиада» // М.А. Булгаков: pro et contra: антология / сост. О.В. Богданова. СПб.: РХГА, 2019. С. 527-547.
7. Колчанов В.В. Оккультизм, магии и ритуалы симпатической магии в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // М.А. Булгаков: pro et contra: антология / сост. О.В. Богданова. СПб.: РХГА, 2019. С. 798-817.
8. Флоренский П. «Человек умирает только раз в жизни...» // Тибетская книга мертвых / пер. с англ. В. Кучерявкина, Б. Останина. СПб.: Амфора, 1999. С. 166-167.
9. Яблоков Е.А. Мотивы прозы М. Булгакова. М.: РГГУ, 1997.
10. Баранов И.Г. Китайский Новый год. Харбин, 1927.
11. Булгаков М.А. Роковые яйца // Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Голос, 1995. Т. 2.
12. У Чэньэнь. Сунь Укун – Царь обезьян / пер. с кит. А. Рогачева. М.: Худож. лит., 1982.
13. Эберхард В. Китайские праздники / пер. с англ. и предисл. Н.Ц. Мункуева. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1977.
14. Соколов Б.В. Булгаков. Энциклопедия. М.: Эксмо: Алгоритм: Око, 2005.

References

1. Kolchanov V.V. Mezhdru misteriyey i buff: povest' M.A. Bulgakova «Rokovyye yaytsa» v svete teatral'nykh modernistskikh zhanrov pervoy treti XX v. [Miracle-play and comic play: novella by M.A. Bulgakov "The Fatal Eggs" from the point of theatre modernist genres of the first third of XX century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Filologicheskiye nauki i kul'turologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2016, no. 2 (6), pp. 53-65. (In Russian).
2. Kolchanov V.V. Ot d'yablerii k «operetke»: muzykal'nyy buff i priyemy neyrolingvisticheskogo programirovaniya v romane-misterii M.A. Bulgakova «Belaya gvardiya» [From diableria to operetta: musical buffo and methods of neuro-linguistic programming in mystery novel of M.A. Bulgakov "The White Guard"]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Filologicheskiye nauki i kul'turologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2017, vol. 3, no. 1 (9), pp. 41-54. (In Russian).

3. Kolchanov V.V. Ot d'yablerii k «operetke»: muzykal'nyy buff i priyemy neyrolingvisticheskogo programmirovaniya v romane-misterii M.A. Bulgakova «Belaya gvardiya» [From diableria to operetta: musical buff and methods of neuro-linguistic programming in mystery novel of M.A. Bulgakov "The White Guard"]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Filologicheskiye nauki i kul'turologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2017, vol. 3, no. 2 (10), pp. 42-49. (In Russian).
4. Kolchanov V.V. Katabasis kak satiricheskiy motiv v povesti M.A. Bulgakova «Rokovyie yaytsa»: obraz professora Persikova v svete antichnoy, zapadnoyevropeyskoy i russkoy tseremonial'noy magii [Katabasis as a satirical motive in the novel of M.A. Bulgakov "The Fatal Eggs"]. In: Zheltova N.Y. (executive ed.). *Russkaya literatura XX–XXI vekov v natsional'nom kul'turno-istoricheskom kontekste* [Russian Literature of the 20–21 Centuries in the National Cultural and Historical Context]. Tambov, Publishing House "Derzhavinsky", 2017, pp. 170-188. (In Russian).
5. Kolchanov V.V. «Tambov na karte general'noy...»: satiricheskaya povest' M.A. Bulgakova «Rokovyie yaytsa» i «kurinaya istoriya», v sem grade sluchivshayasya, a takzhe v stolitse i gosudarstve, do i posle togo ["Tambov on the general chart...": satirical novel of M.A. Bulgakov "The Fatal Eggs" and "chicken story" happened in that town and also in the capital and state, before and after that]. *Filologicheskaya regionalistika* [Philological Regionalism], 2018, vol. 10, no. 1-2 (25-26), pp. 5-20. (In Russian).
6. Kolchanov V.V. Misterial'nyy vektor povesti M.A. Bulgakova «D'yavoliada» [Mysterical vector of M.A. Bulgakov's novella "Diaboliad"]. *M.A. Bulgakov: pro et contra: antologiya* [M.A. Bulgakov: pro et contra: anthology]. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2019, pp. 527-547. (In Russian).
7. Kolchanov V.V. Okkul'tizm, magi i ritualy simpaticheskoy magii v romane M.A. Bulgakova «Master i Margarita» [Occultism, magicians and ritual of sympathetic magic in the novel of M.A. Bulgakov "The Master and Margarita"]. *M.A. Bulgakov: pro et contra: antologiya* [M.A. Bulgakov: pro et contra: anthology]. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2019, pp. 798-817. (In Russian).
8. Florenskiy P. «Chelovek umirayet tol'ko raz v zhizni...» ["A man dies only once in his life..."]. *Tibetskaya kniga mertvykh* [Tibetan book of the dead]. St. Petersburg, Amfora Publ., 1999, pp. 166-167. (In Russian).
9. Yablokov E.A. *Motivy prozy M. Bulgakova* [Motives of Prose by M. Bulgakov.]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1997. (In Russian).
10. Baranov I.G. *Kitayskiy Novyy god* [Chinese New Year]. Harbin, 1927. (In Russian).
11. Bulgakov M.A. Rokovyie yaytsa [The Fatal Eggs]. In: Bulgakov M.A. *Sobraniye sochineniy: v 10 t.* [Bulgakov M.A. Collection of Works: in 10 vols.]. Moscow, Golos Publ., 1995, vol. 2. (In Russian).
12. Wu Cheng'en. *Sun' Ukun – Tsar' obez'yan* [Sun Wukong – the Monkey King]. Moscow, Publishing House "Khudozhestvennaya Literatura", 1982. (In Russian).
13. Eberkhard V. *Kitayskiye prazdniki* [Chinese holidays]. Moscow, Main Editorial of Eastern Literature of "Nauka" Publ., 1977. (In Russian).
14. Sokolov B.V. *Bulgakov. Entsiklopediya* [Bulgakov. Encyclopedia]. Moscow, Eksmo, Algoritm, Oko Publ., 2005. (In Russian).

Информация об авторе

Колчанов Владимир Викторович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Вклад в статью: в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» функционирует «китайский текст», являющийся средством сатиры на проводимую в СССР политику коллективизации сельского хозяйства. Китайские аллюзии проявляются через такие религиозно-народные церемонии, как китайские мистерия и карнавал, художественно перенесённые в повесть через приёмы гротеска, пародии, буфа и эксцентрики. Представлена идея перехода мистерии в карнавал.

Поступила в редакцию 11.01.2020 г.
Поступила после рецензирования 24.02.2020 г.
Принята к публикации 03.03.2020 г.

Information about the author

Vladimir V. Kolchanov, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Contribution: in M.A. Bulgakov's novella "The Fatal Eggs" there is a "Chinese text", which is a mean of satire on the policy of agriculture collectivization carried out in the USSR. Chinese allusions are manifested through such religious and folk ceremonies as the Chinese miracle-play and carnival, artistically transferred to the story through techniques of grotesque, parody, comedy-play and eccentrics. The transition idea of the miracle-play to the carnival is presented.

ORCID: 0000-0001-9755-2378

Received 11 January 2020
Reviewed 24 February 2020
Accepted for press 3 March 2020